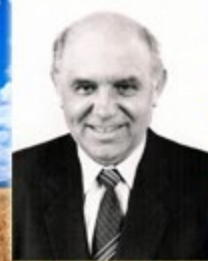

Иван Яковлевич ОВЧАРЕНКО

Глава I. РАННИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Жизнь, практика постоянно ставила передо мной вопросы каким образом улучшить условия жизни, а иногда: как выжить?

Такие мучительные мысли в моем сознании возникли очень рано и были почти постоянными, что в значительной степени и предопределило судьбу, профессиональный путь к трудовой деятельности.

Сначала я думал, что достаточно убедительно разъяснить человеку, что нужно делать, как нужно делать, повысить его квалификацию и успехи производства обеспечены.

Однако со временем убедился, что этого недостаточно, а еще позже понял, что здесь сложнейшая социально-экономическая проблема.

В деревне постоянно люди обсуждали свое житье, бытие, тут же находились и прислушивались к разговору подростки. Я родился в 1926 году в типичном селе Козиха Ордынского района Новосибирской области, которое находится в ста километрах на юго-запад от Новосибирска. Это было крупное поселение, около пятисот дворов, как часто говорили жители, подчеркивая пятьсот, с достаточным количеством пахотных выщелоченных черноземов, естественных лугов и сенокосов, что было под силу для имевшегося конного тягла.

Первое, что запало в детской памяти - это засушливые голодные годы начала тридцатых годов (1931, 1933 гг.). Каждый крестьянин ждал лета, чтобы собирать съедобную зелень. Из нее готовили еду, стряпали что-то похожее на хлеб, добавляя прошлогодние прогорклые конопляные жмыхи и другие отходы. Крестьяне тогда существовали без крупных резервов и даже малых запасов, жили от урожая до урожая. Часто недоедали и в средние по урожайности годы. На втором году засухи не было для посевов семян, не лучше обстояло дело с ними и перед весенне-посевной кампанией следующего 1934 года. Я уже ходил в школу. У государства тоже были скудные страховые запасы, видимо, и они находились на исходе. Всю эту ситуацию приходилось видеть и слышать, у людей возникал страх перед неопределенным будущим.

Такое положение складывалось казалось бы в свободных раздольных сибирских условиях, где огромные просторы сельскохозяйственных угодий. Между тем засухи, голодовки периодически посещали не только европейскую часть России, но и Сибирь. А

большая часть проблемы скудных урожаев состояла в том, что более половины земледельческих регионов России находились и находится в зоне рискованного земледелия, которое часто подвергается засухам.

При низком агротехническом уровне, отсутствии обоснованных севооборотов, минеральных удобрений даже в более благоприятные по погодным условиям, за пореформенные столыпинские 1906-1911 годы средний урожай зерновых в России составлял всего лишь около 7 центнеров с гектара (статистические данные тех лет). При этом Россия в те годы экспортировала хлеб, животное масло. А что другое могла страна продавать за границей помимо этой продукции? Наверное можно было бы добавить - лес, да и, пожалуй, по крупному счету, все.

Таким образом, столыпинская реформа, переселение крестьян в Сибирь - реальная экстенсивная мера по увеличению сельскохозяйственной продукции в стране.

После первой мировой, а затем гражданской войны, жестокой засухи в 1921 году, долгое время урожайность оставалась на прежнем низком уровне. Но в период НЭПа вплоть, до начала массовой коллективизации, с переходом от продразверстки к продналогу появилась реальная материальная заинтересованность крестьянина в повышении урожайности зерновых, кормовых и технических культур. Особенно эта мера была эффективной для сибирского крестьянства, которое, после Октябрьской революции 1917 года, от новой власти мало чего получило. Если в европейской части России крестьянам была передана земля помещиков, то в Сибири этой земли они не получили: здесь не было помещиков.

Поэтому мне приходилось слышать от крестьян, колхозников, что они перед колхозами (1924-1929 гг.) жили хорошо, всегда были с хлебом. Конечно, не все: материальная база оставалась слабой, сельскохозяйственных машин почти не было, конная тяговая сила имела не у всех крестьян. И только коллективизация, индустриализация сельского хозяйства, широкое внедрение сельскохозяйственной техники к концу 30-х годов удвоили урожайность полей и продуктивность сельскохозяйственных животных.

Коллективизация. Шла она под лозунгом кооперативного плана: преобразование мелких раздробленных малопродуктивных единоличных бедняцких и середняцких хозяйств, на основе добровольного объединения в крупные сельскохозяйственные предприятия - сельхозартели (колхозы).

Бедняки, особенно безлошадные, да и среднее крестьянство, привыкшее к объединенному земледельческому укладу в большинстве своем были склонны к организации коллективных хозяйств, в которых рассчитывали получить активную поддержку от государства в деле механизации тяжелых сельских работ.

Но беда оказалась рядом, ближе всего, чем ожидалось. И. Сталин на практике грубо исказил суть установок на добровольное кооперирование крестьян. Фактически его статья "Головокружение от успехов", опубликованная во всех газетах, оказалась лукавой. Что подтвердила последняя практика проводимой коллективизации. В колхозы загонялись все крестьяне, а зажиточные - раскулачивались, репрессировались.

Не могли в одночасье превратиться скороспешно образованные крупные по численности сельхозартели в высокомеханизированные предприятия. Для такого превращения страна еще не имела индустриальной базы, мощного сельскохозяйственного машиностроения, химической промышленности по изготовлению минеральных удобрений, средств защиты растений, слабо развивалась селекция сельскохозяйственных растений и животных. Крайне мало было специалистов-агрономов по земледелию и растениеводству, зоотехников, ветработников по животноводству, отсутствовали экономисты-организаторы производства. Отсюда и все отрицательные последствия, которые все больше и больше усугублялись постигшей длительной засухой в начале 30-х годов.

Командно-административная система безоглядно разрушала положительную сторону сельского общинного уклада. Вспоминали о тех, кто когда-то во время уборочных работ на свое поле приглашал для помощи в уборке соседа или односельчанина, освободившегося раньше от своих осенних дел. Между тем такое явление широко бытовало в условиях Сибири, считалось взаимопомощью, хорошей нормой в общинном укладе. А во время коллективизации всех, кто когда-то приглашал в помощь соседа, относили к кулакам, их не принимали в колхоз. Эти люди были вынуждены уезжать на промышленные стройки, в ближайшие города, а село лишалось умельцев в крестьянском производстве. Такие явления приносили больше вреда, чем пользы.

Вошел в сельхозартель и мой отец, Яков Семенович, недюжинной физической силы, разумный человек, затем оказался неплохим организатором колхозных дел. Вскоре колхозники избрали его хозяйственным, а затем, когда объединились все в один колхоз, - председателем колхоза "Герой труда".

Слабый получили урожай и в 1934 году, но уже с 1935 года до начала войны (1941 г.) стали выращивать хорошие урожаи: по 10 и более центнеров зерновых с гектара - до 100 пудов на гектар.

Дела в хозяйстве пошли веселее с приходом колесных тракторов на смену пахарям на лошадях и на смену вязальщицам - зерновые комбайны.

Я часто бегал в контору, бывал в поле, на сенокосе. Видел соревнования сначала кто больше вспашет на лошадях земли под посевы, вручную свяжет снопов пшеницы, а затем эти же люди соревновались за перевыполнение установленных заданий на вспашке зяби трактором, на уборке комбайном колосовых культур. Только что ликвидировав свою неграмотность юноши и девушки садились на тракторы, вставляли за штурвалы зерновых комбайнов.

В течение всей войны нередко женщины, подростки садились за тракторы, становились за штурвалы комбайнов, пахали землю, сеяли, обрабатывали посевы, убирали выращенный урожай, везли его на элеваторы. Конечно, без здоровых молодых мужчин, ушедших на фронт, было женщинам и молодежи очень тяжело. Не хватало запасных частей для техники, не поступали новые машины в колхоз во время военного лихолетья. Все это я видел, когда летом работал в колхозе на сенокосах и вывозке хлеба

государству.

Сталинские перегибы оставались до войны (1941-1945 гг.) и после нее - в этой тяжелейшей хозяйственной ситуации. Перед войной в рабочих поселках, в райцентрах у рабочих и служащих урезали приусадебные участки до 15 соток (0,15 га) вместе с домом, постройками, оградой и огородом. На отрезанной части старых огородов бушевали сорняки. Во время военных лет по карточкам продавали 300-500 граммов хлеба на душу, главным питанием был картофель. Если в семье более двух человек, то с огорода картофелем трудно такую семью обеспечить. Ведь нужен картофель еще птице, корове, если она была, а участок заросший бурьяном под картошку "не тронь"?!

В тридцатых годах материальное вознаграждение за труд выдавалось натуральной сельхозпродукцией в соответствии с количеством выработанных трудодней. Существовали довольно неопределенные, не достаточно обоснованные нормы работ. Имели место серьезные сложности, проблемы в деле справедливого материального вознаграждения за труд.

Существовал порядок: распределять на трудодни ту часть зерна, которая осталась в хозяйстве, после сдачи хлеба государству. Чем больше вырастили, собрали урожай зерна, тем больше должны были сдать его государству. Нередко случалось так, что вырастив сравнительно большой урожай, на трудодни оставалось меньше, чем у соседа, где урожайность ниже. Такой подход государственных органов к хлебозаготовкам подрывал интерес у коллектива колхоза к повышению урожайности, увеличению валового сбора зерна. Пала материальная заинтересованность в конечных результатах труда.

Мне нередко приходилось слышать по этому поводу различные рассуждения колхозников: "Заготовки хлеба государству - отбивают руки, всякое желание старательно работать..."

Однако люди верили в торжество справедливости, улучшалась организация труда в целом по сельскохозяйственному производству, повышалась дисциплина, техническая оснащенность. В 1936-1938 годах расширялось техническое оснащение, на вспашке земли, уборке урожая использовались в основном сельскохозяйственные машины. Стал появляться на селе автомобиль. Машино-тракторные станции до начала Великой Отечественной войны были основной энерготехнической базой в колхозном производстве.

Механизация сельского хозяйства обеспечила более менее устойчивую работу колхозов и совхозов в течение всех военных лет. Индустриализация промышленности и механизация в сельском хозяйстве обеспечили победу в 1941-1945 гг.

Председательская судьба у отца в 1939 году сильно пошатнулась, обострилась. Он не был членом партии и закончилось тем, что ему пришлось бросить колхоз, хотя колхозная масса настаивала, чтобы он продолжал возглавлять хозяйство. В 1939 году он уехал в соседнее село Верх-Ирмень (райцентр Ирменского района). Работал в системе райпотребкооперации. За годы войны прошел от Великих Лук до Берлина, вернулся из армии членом партии. Возглавлял районную артель "Промышленник" от промысловой

кооперации. В 1955 году коллектив колхоза “Герой труда” снова вернулся к нему с предложением возглавить сельхозартель. Но время его уже уходило, шел ему шестой десяток.

Начало моих университетов. В Козихе я закончил 5 классов со средними оценками: было больше четверок. Такие же оценки сопровождали меня и в Верх-Ирменской районной средней школе. А в итоге получилось, видимо, так, как говорится в народной присказке “быть бы беде, да нужда выручила”.

Для многих приезд с периферийной школы в районную среднюю школу не проходил без трудностей. Я сам, по своей воле, повторил не только шестой, но и программу пятого класса. После чего седьмой и восьмой классы оканчивал на пятерки.

В 1943 году по окончании восьмого класса я, Владимир Кайгородов и Александр Бобрышев поступили в Новосибирский авиационный техникум. Кстати, меня приняли без вступительных экзаменов, так как восьмой класс я закончил на пятерки.

Мне посчастливилось не только поучиться в техникуме, но и посещать Новосибирские театры, постановки, спектакли - Художественного академического театра им. Пушкина, который был эвакуирован из Ленинграда, посещал и другие театры города Новосибирска. Все это оставило во мне большой след.

В конце 1944 года я добровольно (в техникуме была “бронь”) ушел через Ипподромский Райвоенкомат г. Новосибирска в армию, “рвался” на фронт. Из 42 запасного стрелкового полка, который размещался тогда около г. Бердска, меня в декабре 1944 г. направили не на фронт, а в 1-ое Тюменское пехотное училище. Не успел завершить это общевоинское училище, как закончилась война с Германией. Нам курсантам продлили срок обучения сначала до года, а затем до 2-х лет. В августе 1945 года меня, курсантов Ларина и Лузина направили в Школу военных переводчиков восточных языков, которая тогда находилась во Владивостоке.

В январе 1949 года состоялся очередной выпуск. Мне как и другим было присвоено воинское звание “лейтенант” и звание “переводчика китайского языка”. Отличительная особенность школы переводчиков состояла в сложности освоения программы китайского языка, как и всех иных восточных. Прибыло на 1 курс 300, а закончило 100 человек. Таким образом, служба в качестве курсанта в течение четырех лет: в училище и особенно в школе иностранных языков многое прибавила в общем кругозоре, в размышлениях. Учебные программы были чрезвычайно насыщенными и разносторонними. В школе переводчиков военная подготовка продолжалась, но ограничивалась одним днем в неделю (каждый четверг). Все остальные предметы носили филолого-общественный характер, главное место занимал, конечно, китайский язык (письменность, грамматика, прямой перевод, обратный перевод, устная речь), еженедельно 2-4 часа на всех отделениях - факультетах изучался и английский язык. Заметное место в учебной программе отводилось страноведению, истории, различным общественным предметам социально-экономического цикла. По окончании учебы предстояла напряженная пятилетняя служба переводчиком. Фактически в течение восьми лет пришлось постоянно углублять знания по китайскому языку (устный и

письменный переводы), а затем параллельно осваивать быт, культуру, условия производства, жизнь китайского населения в уезде Цзиньчжоу провинции Шаньдунь Китайской Народной Республики.

Китайская Народная Республика. В январе 1949 года получил направление в Систему Советской Гражданской администрации района Порт-Артур-Дальний, где с 1945 г. дислоцировалась 39 армия вооруженных сил Советского Союза.

В порт Дальний (Далянь) я прибыл с другими выпускниками-переводчиками китайского языка.

Нам тогда очень хотелось встретиться с китайскими людьми, поговорить с ними. Выйдя на берег, мы обращались к отдельным гражданам, спрашивали, где пройти к военной комендатуре, до Советской Гражданской администрации, до железнодорожного вокзала, но заметили, что китайцы плохо понимали то, что мы у них спрашивали. И это происходило в полумиллионном портовом городе. А некоторые не могли обнаружить, что мы их спрашиваем на китайском языке, видя нас в офицерской форме Советской армии. А один из китайцев четко сказал: "Капитана, что твоя надо?" Это нас окончательно обескуражило. Но затем слово за слово вдруг начали восклицать: "Тамынь шо чжунго хуа!" (Они говорят на китайском языке, они говорят китайские слова). И тогда нас со всех сторон стали окружать китайцы, наперебой задавая вопросы. Мы, все-таки, быстро выяснили, что здесь иное наречие, а мы изучали государственный пекинский диалект. Но некоторые китайцы даже раньше это уяснили. И тот, кто это понял раньше других восклицал: "Тунчжимынь! Тамынь шо бейзиньхуа, бейзинь хуа (Товарищи! Они говорят на пекинском диалекте)". Поговорив, с трудом они разобрались, что нам нужно - разъясняли и расходились. Они уходили, восхищаясь тем, что русские говорят на китайском языке, на диалекте близком к пекинскому наречию. Мы, отходя задумывались, как же будем переводить китайскую речь на русский язык и наоборот. Кстати, я вскоре узнал, что через несколько часов окажусь на месте моей дальнейшей службы в городе Цзиньчжоу, где размещаются штабы корпуса, дивизии и немало специальных воинских частей, прибываю в должность переводчика китайского языка в комендатуру города Цзиньчжоу вместо умершего нашего опытного переводчика Кичатова. Об этом мне сообщили в Управлении Советской Гражданской администрации.

Прибыв в управление коменданта города Цзиньчжоу обнаружил, что меня здесь ждали. Комендант полковник Кисель разговаривал со мной вежливо, коротко, а затем четко заявил, что непосредственным моим руководителем будет подполковник Попов - заместитель по политической части.

Непосредственный начальник встретил вежливо, но с соблюдением военной субординации. Не успели мы закончить наш некороткий разговор, как ему повторно позвонили, а затем звонящий дежурный по комендатуре капитан (не выдержал) зашел в кабинет и сказал, что очень нужен переводчик, китайцы атакуют, а старшего лейтенанта Круглова (переводчик с волосной комендатуры) нет, он выполняет задание коменданта.

Попов ухмыляясь, сказал: "Да Овчаренко, только "с корабля, а на бал" ему идти

рановато, он не знаком с местным диалектом. Но не беда, назвав меня по имени и отчеству и добавил: “Идите, “с корабля - на бал”.

В комнате дежурного капитана находились не только несколько китайцев, но зашли туда еще два офицера и один сержант Управления. Они значительно позже признались, что специально зашли, хотели узнать, как я с китайцами буду разговаривать, так или почти так они пропускали всех вновь прибывших переводчиков. В системе уездного Управления коменданта было двенадцать волостных комендатур, и в каждой был переводчик. Работники уездной комендатуры знали как вначале нелегко справлялись с переводами выпускники учебных учреждений по китайскому языку. Я понял, что мне будет здесь учинен двойной экзамен. Я поздоровался со всеми. Капитан сказал китайцам, что это переводчик: “Фа-и!”. Они обрадовались и “загалдели”. Я попросил их пойти со мной и вывел на улицу, где не было посторонних.

С этого дня для меня начались натуральные китайские университеты. Я проработал с китайцами почти четыре года.

Все рабочее и нерабочее время уходило на встречи с китайскими гражданами самых различных профессий, от рядового труженика до чиновника уездного управления. А если учесть самоподготовку к встречам, письменные переводы (небольших китайских текстов), то наберется целый световой день и более того.

По большей части приходилось переводить официальные разговоры. Через несколько недель работы я почувствовал физическую усталость, осунулся - переутомился: без сна, корпая над словарями, тренируя устную речь. Вдруг как-то в очередной раз, садясь в легковой автомобиль Управления с подполковником Поповым, он спрашивает меня: “О чем ты так заботишься?” Я ему сказал, что наверное вы все меня замучили. Он посмотрел внимательно, в упор и произнес, что ты один, а нас двенадцать (офицеры-специалисты), да какой двенадцать, а сколько с другой стороны, китайцев?! Ты не очень-то, а то пойдешь вслед за Кичатовым, он умер от туберкулеза, а туберкулез и от перегрузки бывает, но ничего молодой, выдержишь.

Автомашина тронулась, а я думал при этом разговоре и после него о другом: когда перестану беспокоиться, бояться за успех переводов во время беседы с китайцами? Прошло около года, вдруг вспомнил свой вопрос: “когда же”? Видимо, это случилось через несколько месяцев (четыре-шесть). Да и не в этом главное, важно то, что удалось этот рубеж преодолеть! Я думаю в этом помогли та усидчивость и то упорство, ответственность, которые нам привили в Школе переводчиков восточных языков. Обучали нас весьма квалифицированные сильные специалисты (Дин фу-тан, В. Врубель - китаец по национальности, И. Тильман и многие другие).

Китайская грамота сложна, нелегка для освоения. Письменность возникла во втором тысячелетии до нашей эры. Каждое понятие имеет свой знак - иероглиф, общее их число составляет более пятидесяти тысяч. В современном языке используются 4-7 тысяч знаков. Образованный китаец знает около четырех тысяч иероглифов (активно) и до 2 и более тысяч (пассивно). Он в состоянии разбираться почти во всех иероглифических текстах. Мы же в Школе активно и пассивно освоили около трех-пяти

тысяч иероглифов. Тысячи - это не три десятка букв. Основой для китайских иероглифов является около 200 элементов, из них образуются сложные иероглифы-знаки, при этом сочетания их часто очень трудно логически объяснить. Требуется почти механически запоминать их написание, содержание, произношение.

Причем произношение одного и того же знака разное в зависимости от местности. Мы изучали пекинское наречие, однако приходилось часто встречаться с местным, непекинским диалектами. К примеру, прибыл в должность председателя уездного управления с юга Китая, а местный работник уехал в центральный Китай на повышенную должность (кадры часто менялись, особенно партийных работников). Мы поехали знакомиться. Поздоровались, а дальше разговор не получается. Подходит один из местных работников помогает нам вести разговор на местном наречии, с приближением к пекинскому диалекту. Председатель извиняется за свой южный диалект, поясняя, что его пока плохо понимают местные китайцы. Однако через несколько месяцев при очередной встрече он уже свободно разговаривал со мной и местными китайцами с акцентом ближе к местному и пекинскому наречию.

Был и такой случай. С нашими товарищами я поехал в госпиталь, где лечились китайские народные добровольцы, участники войны в Корее. Это начало 50-х годов. Когда проходили по палатам, я с полковником оторвался вперед от главного врача. Заходим в следующую палату я здороваюсь, он тоже. Больные (солдаты) смотрят на нас с необычным любопытством и что-то говорят ему и мне. Я не понимаю ни одного их слова. Полковник ждет моего перевода. Я успел сказать, что это, видимо, люди с другим наречием. И в этот момент заскакивает главный врач госпиталя и извиняется за то, что он от нас отстал. Но мне вроде от этого не легче. И вдруг он прояснил, что в палате лежат раненные корейцы. Они снова заговорили на корейском, один из корейцев переводит врачу на японском, врач говорит мне на китайском, я перевожу полковнику на русский. И когда цепочка переводов двинулась с места, все довольны, заулыбались, оживились. Некоторые китайцы и корейцы, где длительное время стояли японские войска (в Корее и Маньчжурии) знали японский язык, особенно врачи. Тем более, у них у всех (китайцев, корейцев и японцев) письменность, иероглифика одна. Понятие знака иероглифа одно, но произношение этого знака и построение предложения разные.

В число двенадцати Попов включил и тех майоров, капитанов, которые должны были оказывать консультативную помощь китайским органам по сельскому хозяйству (агрономии, зоотехники, ветеринарному делу), по промышленности, которая имела место в уезде. Все они имели высшее специальное образование, хороший опыт работы, закончили институты. До образования Китайской Народной Республики (1 октября 1949 года) в районе Порт-Артур-Дальний самой крупной партийной организацией была так называемая Демократическая партия, затем переименована в партийную организацию КПК.

Мне особенно запомнились множественные встречи с первым секретарем Уездного комитета КПК товарищем Чень Шаоцзинем. В разговорах с ним, как правило, участвовал Попов. Эти встречи были частыми и длительными. Два партийных работника делились опытом политической деятельности, но большей частью здесь же вставали хозяйственные проблемы, которые касались и вопросов пребывания наших

войск в уезде, и не только. Все разговоры заканчивались благоприятно, за исключением одного - о принципах организации социалистического типа предприятий и материальной заинтересованности коллектива предприятия в целом, его подразделений, каждого работника.

Были случаи, когда я бывал в уездном комитете партии, уездном управлении народным хозяйством с другими нашими специалистами и один. При разговорах с китайскими должностными лицами, особенно с Чень Шаоцзином, очень часто ставился вопрос как лучше организовать производство, как заинтересовать коллектив, чтобы постоянно росла производительность труда, снижалась себестоимость продукции.

Чень Шаоцзинь знал, что я вырос в колхозе, жил среди колхозников, работал летом в колхозе. Он меня просто донимал, что у вас делают, чтобы в колхозах работали лучше, чем на своем приусадебном участке?

Я иногда отвечал, что учился в средней школе, а в колхозе не работал. Хотя бывая в очередных отпусках дома, после 1946 года, а в 1949 году - дважды видел, что и в наших колхозах производительность труда не растет, слабо развиваются производительные силы.

Техническое оснащение оставалось на прежнем довоенном уровне. Вместе с тем я понимал, что нужно было бросить максимум усилий на восстановление промышленности, городов и сел в Западной части СССР, где они были разрушены во время ужасной войны (1941-1945 гг.). В 1948 году я побывал в течение 10 дней в Брянской области, в г. Карачеве и др. местах страшного разрушения.

Как-то уже к концу своего пребывания на вопрос о принципах материальной заинтересованности я ответил Чень Шаоцзину, что вам, видимо, лучше почитать на китайском языке наши книги о строительстве социализма, колхозной и совхозной жизни, нашу прессу, газеты. А он мне ответил, что следующий раз покажет все наши книги и газеты, переведенные на китайский язык. Но заранее предупредил, что "ты не найдешь в них ответа на мой вопрос". Я в шутку сказал, что я же не так быстро читаю книги на китайском языке. Вы покажите мне те и в тех местах, в которых, все-таки, конкретно об этом идет речь, и вместе с Вами читаем. Он ответил, что невозможно найти такую книжку, кроме одной - "Краткий курс ВКП(б)", но и там нет расшифровки - как материально заинтересовать работника, чтобы он в сельском кооперативе, которые создаются в Китае (по подобию ваших колхозов), работал лучше, чем на собственном земельном участке.

Мысленно свои познания по социально-экономической тематике оценивал как недостаточные. Постоянно стала усиливаться потребность в дальнейшей учебе.

В это время некоторые офицеры готовились к предстоящим предварительным вступительным экзаменам для поступления на учебу в различные Академии. Подключаюсь к этим экзаменам и успешно в Порт-Артуре сдаю их - для поступления в военно-педагогический институт имени М.И. Калинина.

В 1952 году в Хабаровске выездная комиссия для поступления в Академии

предложила мне повторить поступление в следующем 1953 году. В связи с этим отдел кадров ставки войск Дальнего Востока направил меня в штаб Приморского военного округа, а затем переводчиком 25 Пулеметно-артиллерийской дивизии, р.п. Гродеково, на границе с КНР.

За зиму я подготовился еще раз, дополнительно и внимательно прочитал несколько работ Ф. Энгельса, а затем одолел два тома "Капитала" К. Маркса. Кстати, эти две книги мне пришлось перечитывать позже в Высшей партийной школе. Они хранятся у меня вместе с книгами третьего тома. Особый интерес для меня представляет то, что подчеркивал в разное время разного цвета карандашами: в Гродеково - красным цветом, а в ВПШ - простым карандашом. А самое для меня важное - это то, что не нахожу в этих трудах К. Маркса "фантазии", убеждаюсь в высоком мастерстве этого крупнейшего ученого, исследователя.

Весной 1953 года в стране состоялось очередное крупное сокращение численности Вооруженных сил, 25-ая дивизия подлежала расформированию. Я считался кадровым офицером (четыре года учебы в специальной школе) и лишь в сентябре 1953 года с трудом получил приказ на увольнение. Так, возвратился домой, в село Верх-Ирмень, через девять армейских лет.

В сельском хозяйстве, Верх-Ирмень. Мое увольнение из армии совпало по времени с состоявшимся Пленумом ЦК КПСС, где шел разговор о подъеме, развитии сельскохозяйственного производства в стране. Начатая кампания предопределила мою дальнейшую работу и судьбу.

Еще не закончился мой послеармейский отпуск, как пригласили меня к первому секретарю Ирменского райкома партии.

Шевелев В.А. встретил меня приветливо, уважительно, сказал, что личное партийное дело прибыло, поступило в райвоенкомат и дело на офицера Овчаренко. Пригласили, чтобы узнать о твоих дальнейших рабочих планах. Я поблагодарил за внимание, сказав, что очень сожалею, что опоздал в этом году с поступлением в Новосибирский государственный педагогический институт. Хотел бы учиться на историческом факультете.

Василий Андреевич коротко расспросил о службе, хотя оговорился, что посмотрел военное и партийное личные дела. Его интересовали учебные предметы Школы: страноведение, общественные науки. И тут же предложил мне работу в райкоме пропагандистом: начнешь со страноведения, будешь читать лекции о международном положении, как ты делал в армейских условиях, участвовать в организации партийного просвещения в колхозах района, возглавишь райкомовскую партбиблиотеку.

На следующий день я вышел на работу. Зав. отделом пропаганды Шипицын также приветливо принял. Я спросил его, что я буду конкретно делать? Александр Семенович ответил: "Дел у нас с тобой - непочатый край, а пока в течение двух недель готовь на два часа лекцию о международном положении. Приходилось на такую тему читать лекции?"

- Да, но я не профессионал, в этом же деле.

- Мы все не профессионалы, в партбиблиотеке ждет тебя твой кабинет.

Возвращаясь вечером домой, я от души посмеялся над моим вопросом и еще больше над его ответом. А между тем работа оказалась непростой и “дел” не мало.

К назначенному сроку написал лекцию, ее обсудили в группе работников райкома и я поехал с ней по колхозам. После двух-трех выступлений пришлось ее сократить до 30-40 минут, а спустя некоторое время я понял, что в текст не нужно смотреть, он должен стать только ориентиром, тогда люди слушают с полным вниманием и задают не мало вопросов.

В районе было сорок один колхоз и один совхоз - откормочный. Последний отличался в лучшую сторону, просто наглядно выделялся. Это хорошо обустроенное в деревне Березовка хозяйство. Добротные домики, ухоженные усадьбы, на которых содержалось достаточное количество скота и птицы для личного пользования и частичной продажи на колхозном рынке. Все имели работу и получали своевременно зарплату. И совершенно другая картина в колхозах, во всех селах. Обветшалые деревянные дома, слабо ухоженные приусадебные участки с малым количеством скота и птицы.

В колхозах оплата была лишь натуральная: расчет в конце года, на трудодни выдавали зерно по остаточному принципу, после сдачи хлеба государству...

Почему мало оставляется зерна колхозникам на трудодни? - спрашивал у председателей колхозов и самих колхозников. Ответ везде почти однозначный: урожаи невысокие, паров нет, засухи посещают часто, почти все зерно уходит государству.

Была низкая продуктивность в животноводстве: кормов заготавливалось мало, годовой удой молока на фуражную корову составил около 1000 кг.

Февральско-мартовский (1954 года) Пленум ЦК КПСС снова рассматривает проблемы сельского хозяйства, основной доклад Н.С. Хрущева - Об освоении целинных и залежных земель в стране. При этом в Казахстане и в Западной Сибири предусматривалось освоить десятки миллионов гектаров.

Сюда направлялось больше людей, технических средств. Поступали сначала сотни, а затем тысячи и тысячи гусеничных тракторов типа ДТ-54, который на длительное время стал главной тракторной силой в сельском хозяйстве в пятидесятых и начале шестидесятых годов не только на целинных землях, а на всех угодьях страны. В больших размерах увеличилось производство зерновых комбайнов, сначала прицепного типа (С-6), а затем самоходных (СК-4).

Серьезное внимание Хрущев уделил внедрению в широкое производство кормовой культуры - кукурузе. Никиту Сергеевича прозвали “кукурузником” и поделом. Он был неутомим, постоянно пропагандировал огромные потенциальные возможности этой культуры.

Будучи пропагандистом райкома, изучил, как и многие другие партийные, комсомольские работники, технологию посева, междурядной обработки, уборки и заготовки этой культуры. Сначала в массовом масштабе пошли сеялки квадратно-гнездового посева, колесные тракторы, МТЗ, "Белорусь", затем силосоуборочные комбайны, специальные транспортные средства, бульдозеры и другая с/х техника для возделывания и уборки кукурузы. Она постоянно совершенствовалась и широко применялась в колхозах и совхозах.

Забегая вперед, скажу, что после смещения Хрущева (в октябре 1964 г.) с должности первого секретаря ЦК КПСС, председателя Совета Министров СССР, преемники эстафеты не мало потрудились, чтобы изгнать кукурузу с полей, но не много им удалось преуспеть. Практически работники сельского хозяйства только часть кукурузных посевов заменили многолетними травами, не сокращая посевных площадей кормовых культур. Дело в том, что на глазах у всех с появлением кукурузных плантаций повысилась продуктивность животных. Если до кукурузы удой в колхозах и совхозах составлял всего одну тысячу килограммов молока на фуражную корову в начале 50-х годов, то к концу их - две тысячи кг. Повысились соответственно привесы скота, увеличилось в 1,5-2 раза производство мяса.

1954 год - первый сельскохозяйственный год моей работы в колхозной среде. Я активно участвовал в жизни села. Был часто на полях, где осуществлялся сев различных сельскохозяйственных культур, заготовка кормов, уборка урожаев. Год выдался по погодным условиям благоприятным, дожди шли как по заказу, теплое, тихое лето. Урожай в подавляющем числе хозяйств вырос по тем годам отменный: до двадцати и более ц/га зерна.

Как сейчас помню 25-26 августа, после районного совещания, все работники райкома партии разъехались по колхозам, чтобы подключиться к уборке зерновых культур. Мне достался колхоз в д. Пайвино, где председателем хозяйства тогда был опытный хлебороб Прохор Головин. Посмотрели состояние хлебов, пришли к выводу, что нужно еще подождать с уборкой, зерно находилось в молочной, молочно-восковой спелости. Сушильного хозяйства тогда не было в колхозах.

Но комбайны запустили, опробовали их готовность, намолотив по бункеру зерна и на этом остановились. Насыпал Прохор мне в мешочек несколько килограммов зерна. Я спросил: "А это зачем?" Он: "А с чем ты будешь возвращаться в райком, кто тебе там поверит, что зерно еще не подошло для начала обмолота". Положил в ходок мешок и закрыл мокрой травой, чтобы зерно пока еду не созрело. Он оказался прав... Вскоре установилась сухая, жаркая погода, но уборку смогли начать только с 8-10 сентября. Эти две недели подготовки к началу уборочных работ оказались весьма полезными. Хлеба были рослыми, колосистыми, высокоурожайными, а сентябрь и октябрь оказались без дождей, теплыми. Но уборка зашла в начало ноября. Я убедился, что уборочной техники в колхозах было недостаточно, даже при условии длительной, хорошей, сухой осени. Хлеб везли в "Заготзерно" с начала уборочных работ по ноябрь. Огромные бунты зерна за пределами элеватора, местами и в ноябре начали греться, зерно очагами портилось. Много дней и ночей я был непосредственным участником спасения золотого зерна. И здесь, на государственном элеваторе, в с. Красный Яр, было мало зернохранилищ, тем

более с механическим оборудованием для приема, очистки, сушки, отгрузки зерна. Более того, крайне недостаточно было грузоподъемных устройств, транспортеров для перемещения хлеба на открытых и закрытых площадках. Три четверти зерна находилось под открытым небом.

Так в первый год сложилось у меня тягостное впечатление от крайне недостаточной технической оснащенности на уборке зерна, при его хранении.

1955 год - первый год кукурузы. Массовые посевы ее охватили все хозяйства. Сажали кукурузу кто как придумает, в том числе и вручную, под тяпку. Еще сложнее стало осенью, как и чем убрать: силосных комбайнов тогда не было, как заложить на хранение, получить хороший силос?

Помню рытье земляных траншей и сооружение по ее бокам плетней, а впоследствии от них отказались... Лето было жаркое, засушливое, но майско-июньские небольшие дожди обеспечили хорошие всходы, и получение неплохого урожая кукурузы. Она очень пригодилась, сильно выручила животноводов. Почувствовали высокий эффект от ее возделывания еще потому, что в этот засушливый год было мало сена на естественных сенокосах, низкий урожай зернофуражных, зерновых культур - от 5 до 7 ц/га зерна, а такие сухие годы в России и тем более в Сибири бывают часто.

В 1956 году к началу сева и в течение всего года постоянно поступала техника под кукурузу. Все хозяйства, особенно механизаторы - кукурузоводы старались посеять кукурузу квадратно-гнездовым способом с использованием специальной мерной проволоки для кукурузных сеялок. Первое время такая технология была обязательной. Я изучил соответствующую инструкцию, освоил быстро технологию, и уезжая с механизаторами на посадку кукурузы, хорошо им помогал. О моем умении быстро узнали не только соседние бригады, но и колхозы. Часто просили приехать и помочь обеспечить четкий квадратно-гнездовой посев кукурузы. Накопился опыт и по закладке зеленой массы кукурузы на силос. В тех хозяйствах, где раньше и лучше освоили возделывание этой кормовой культуры, раньше и заметнее стало прибавляться молоко и мясо.

МТС. После двух лет (1954-1955 гг.) работы пропагандистом, инструктором по зоне МТС, мне с осени 1956 года пришлось два года (1956-1957 гг.) работать освобожденным секретарем партийной организации Верх-Ирменской машинно-тракторной станции, в которую вошла Красноярская МТС.

Объединенная МТС обеспечивала более половины колхозов бывшего Ирменского района. Вся эта часть хозяйств с 1955 года была включена в состав Ордынского района. Село Верх-Ирмень перестало быть райцентром. Основная часть специалистов, районной интеллигенции разъехалась.

Машинно-тракторная станция для колхозов была основной технической базой. Механизаторы-колхозники стали рабочими МТС.

Поскольку технических средств для колхозного производства в МТС имелось недостаточно, отсюда и складывались не простые производственные отношения между

руководством, специалистами станции и руководством колхозов.

Между тем из года в год оснащенность станции росла, ежегодно увеличивалось поступление новых более мощных тракторов, комбайнов, сельхозтехники. Что позволило вовремя засеять все старопахотные земли и освоить миллионы гектаров целинных и залежных земель, значительно увеличить валовое производство и вовремя убрать его с полей (табл. 1).

Валовой сбор зерна увеличился в значительных размерах в тех регионах, где больше освоили целинных и залежных земель. Об этом свидетельствуют и показатели урожайности. В тех же регионах повысилась и урожайность (табл. 2), в целом за счет новых, более плодородных земель.

Увеличение валового сбора зерна на 40% (табл. 1) по России за пять лет - это крупный народнохозяйственный успех, экстенсивный.

Анализ полей свидетельствовал, что в целом по России урожайность зерновых оставалась на уровне 1906-1913 годов (около 7 ц с гектара) не отличалась, не поднялась она и в 1954-1958 годах. Выше на 20-40% оказалась только за счет целинных и залежных земель, где накопилось и сохранилось больше питательных веществ для культурных растений.

Таблица 1. Валовой сбор зерновых культур во всех категориях хозяйств, тыс.
т

Область, край, республика	Среднегодовой сбор		1954-1958 гг. к 1949-1953 гг., в %
	1949-1953 гг.	1954-1958 гг.	
Курганская	1247,3	1417,3	114
Тюменская	714,3	749,5	105
Омская	1244,3	2329,9	187
Томская	246,7	371,1	150
Новосибирская	1061,6	2449,5	231
Кемеровская	730,4	1195,6	164
Алтайский	1989,1	6471,3	в 3,3 раза
РСФСР	46681,6	65203,0	140

Урожайность зависит от плодородия почв, семенного материала, севооборотов, размеров и методов внесения удобрений, сроков сева, погоды, от времени и количества

осадков, качества уборки, доработки зерна и других факторов. В немалой степени при этом зависит от качества работы людей на этом поле в течение всего лета: на посеве, уходе за культурами, от времени, качества уборочных и других работ.

Мне по долгу работы приходилось бывать на колхозных общих собраниях, в бригадах, на полевых работах. В разговорах с колхозниками, механизаторами, специалистами постоянно пытался выяснить: почему часто допускается брак в работе исполнителей, не высокое чувство ответственности за качество исполненных работ? Обычно, при первом разговоре, на такие вопросы отвечали, что все люди стараются работать как умеют, кто поопытнее и на новой технике выполняют по 1,5, а то и 2 нормы.

Таблица 2. Урожайность зерновых культур во всех категориях хозяйств (в ц с га)

Область, край, республика	Среднегодовая за пятилетие		1954-1958 гг. к 1949-1953 гг., в %
	1949-1953 гг.	1954-1958 гг.	
Курганская	8,4	7,9	94
Тюменская	9,1	7,7	85
Омская	7,0	9,2	131
Томская	7,9	10,9	138
Новосибирская	6,2	9,8	158
Кемеровская	8,4	11,8	140
Алтайский	6,0	11,7	195
РСФСР	6,5	6,7	103

Вместе с тем было несколько таких случаев, когда подъезжаешь к механизатору, начинаешь смотреть, скажем, качество вспашки, а затем спрашиваешь: почему мелко пахешь?

- Как мелко? - отвечает.

- Но в задании предписано 22-24 см глубина вспашки, а у тебя менее 20 см.

Он отвечает, что это же у дороги, здесь твердая почва и плуг идет мельче. Нужно смотреть все поле, гоны 2 км! Плотность почвы часто меняется, с середины поля и до конца гона вспашка получается на глубину 25 см.

- Хорошо! Сажусь в кабину трактора: - Трогай, посмотрим на середине и конце поля.

Возвращаясь, ведем спокойный разговор-диалог. Оказывается все, как правило, пахут в этой бригаде так же, чтобы не подводить друг друга, пока не застанет на месте работы агроном, а иногда и тот махнет рукой- “вроде пойдет и такая пахота”. А суть подобной ситуации - безразличного отношения - состоит в том, что в данном случае механизатор знает норму на вспашку, сколько заплатят за норму и за перевыполнение ее. Цель механизатора или механизаторов, если он не один вспахивает данное поле, то нужно быстрее закончить, больше сделать гектаров и получить соответственно выше оплату. Чем мельче пашет, тем больше заработает, а какой вырастет урожай, его не интересует: урожай будет обезличен.

Таким образом, не обеспечивается материальная заинтересованность в качестве работы, в конечном результате труда, за количество и качество урожая.

В этом типичном явлении я хорошо убедился в течение четырех лет работы, на множестве различных производственных примерах, в разных колхозах и станциях в хозяйствах Ирменского и Ордынского районов.

Проблема та же, что и была в Китайской Народной Республике: никто не знает, как материально заинтересовать работника сельского хозяйства в конечных результатах его труда, чтобы старался выполнить и перевыполнить норму, производственное задание на высоком качественном уровне с использованием мастерства, сноровки, смекалки, достижений передового опыта, новых технологий.

В 1957 году я перешел на четвертый курс педагогического института. Что дальше делать? Идти в среднюю школу или продолжать работать в сельском хозяйстве, искать ответ на вопрос: “Как материально заинтересовать каждого работника в конечных результатах его труда?” Видимо, на этот вопрос можно получить ответ, только став за руль непосредственной организации труда, производства. В таком положении оказаться не трудно, но хватит ли знаний, чтобы решать эту проблему? К этому времени просмотрел много различной сельскохозяйственной, экономической литературы, начитался и посмотрел на практике. Кстати, как только начал работать в райкоме, выписал через местный книжный магазин четвертое издание сочинений В.И. Ленина, в 35 томах, которое поступало в 1953-1955 гг. По мере прихода книг я не все успевал прочитать, но активно все просматривал, выискивал что-то.

После долгих и мучительных раздумий, решил поступать на очную учебу в четырехгодичную Новосибирскую высшую партийную школу. Начал учебу 1 сентября 1957 года и закончил 1 июля 1961 года, параллельно в октябре 1959 года заочно окончил Новосибирский государственный педагогический институт (1954-1959 гг.). Василий Иванович Пятунин - ректор Новосибирской ВПШ, зная, что я заочно учусь в пединституте, пригласил меня к себе и сказал, что одновременно учиться в другом вузе, в т.ч. и заочно не разрешается. Я ему попытался возразить, но он был неумолим. “Выбирай один из двух”, - сказал, заканчивая беседу. Но случилось так, что очередная сессия в пединституте предстояла только в начале января, когда в ВПШ каникулы. Я посещал пединститут без отрыва от “производства”, сдал госэкзамены и получил диплом с общей оценкой по зачетной ведомости - выше 4-х баллов.

Мне было легче осваивать программу Школы в связи с параллельной и более ранней учебой в пединституте. По окончании ВПШ я мог сравнить две учебные программы (ВПШ и пединститута). Нужно определенно сказать, что программа Школы была тогда значительно больше, сложнее и трудней для полного освоения. Несмотря на то, что слушатели пришли в нее с законченным средним образованием, а многие после средней школы учились в различных учебных заведениях, имели глубокую самоподготовку, постоянно над собой работали, над своим самообразованием, программу ВПШ тех лет осваивали при большом напряжении, с перегрузкой и не всегда могли постичь учебный материал на должном уровне. В учебной программе было заложено много часов, в том числе семинарских занятий и преподаватели хорошо знали уровень освоения программ слушателями. Среди них были весьма опытные педагоги. Как правило, с учеными степенями (кандидаты, доктора наук). Привлекались для чтения лекций профессора сельскохозяйственного института (Бородин, Леонов, Красилов), буквально из всех вузов г. Новосибирска. Этого требовала и разнообразность изучаемых предметов.

Кроме дисциплин социально-экономического цикла изучались такие, как: энергетическая база промышленности, металлургия, машиностроение, горная, химическая, легкая и пищевая промышленности; производственное и гражданское строительство; общее земледелие и растениеводство с основами агрохимии, животноводство, механизация и электрификация сельского хозяйства. По всем этим предметам давались теоретические основы с выходом на прикладное дело.

В социально-экономическом цикле теоретической основой была философия, политэкономия. Помнится, только лекционных отводилось более 200 часов, а по политэкономии - 300. По этим предметам проводилось очень много семинарских занятий, где раскрывали свои познания не только слушатели, но и преподаватели. Это были откровенные разговоры с использованием первоисточников по работам социалистов-утопистов, Гегеля, Фейербаха, Плеханова, Герцена и Чернышевского, особенно Маркса, Энгельса и Ленина, Канта, Ницше, Каутского, Бернштейна, многих ученых XX века и других. Многое в этой ситуации зависело от возможностей каждого слушателя, справиться с учебным материалом, особенно с первоисточниками. В Школе была богатейшая библиотека. Можно было и многие читали, в том числе и Ваш покорный слуга, стенограммы съездов, пленумов, конференций Коммунистической Партии, начиная с I-го съезда РСДРП, оппозиционные выступления (Троцкого, Бухарина, Зиновьева и многих других), но для этого требовалось время. У меня, думаю было больше возможностей, особенно на третьем и четвертом курсах учебы, когда полностью освободился от пединститута.

К политической экономии естественно примыкали такие предметы, как: экономика, организация и планирование предприятий промышленности, строительства и транспорта; экономика, организация и планирование сельскохозяйственных предприятий; торговля, финансы и кредит; планирование местного хозяйства и культурного строительства района; бухгалтерский учет и анализ баланса; математика и статистика.

Следует подчеркнуть ту особенность, что в этой Школе можно было получить

убедительные, аргументированные ответы, пожалуй без преувеличения, на любой вопрос в пределах учебной программы. Закончив ВПШ я пришел к убеждению, что есть возможность заинтересовать каждого работника любой отрасли производства через систему хозрасчетных отношений.

По предварительным разговорам, в конце четвертого курса, меня ориентировали на партийную работу в свой, Ордынский район. Я дал согласие, но высказал, что в процессе учебы у меня появилось желание стать непосредственным участником организации современного хозрасчетного производства.

В начале июля 1961 года закончил учебу, будучи в очередном отпуске, вернулся домой, в с. Верх-Ирмень. Через несколько дней, 5 июля, меня пригласили в Ордынский райком партии и предложили пойти в колхоз. И снова "с корабля - на бал"? Мне сказали, что собранию колхоза "Большевик" будет предложено избрать тебя председателем. В перерыве заседания бюро райкома, первый секретарь Александр Андреевич Прохоров подошел ко мне и спросил, что повесил нос? Я ответил, что год назад делал экономический анализ производственной деятельности колхоза по плану ВПШ. Состояние тяжелое, кризисное. Он на это мне ответил, что при первой возможности переведем колхоз в совхоз, а легковую машину получишь через месяц.

Вернувшись домой, я рассказал семье, что меня ожидает завтра. Состоялся не очень ровный разговор. Отец заметил, что если доброжелательно изберут колхозники, то нужно соглашаться и идти на это ответственное дело. У меня, - сказал он, - не получилось, у тебя должно получиться. Я вставил свою мысль: как это, отец, ты быстро определил? Он помолчал, а затем ответил вопросом: "Ну, а сколько же нужно учиться, чтобы, наконец, справиться с работой в колхозе?"

Шестое июня 1961 года, бывший деревянный районный клуб колхозники заняли до отказа. В хозяйстве около тысячи трудоспособных. Присутствовали уполномоченные комплексных бригад, центральных обслуживающих подразделений и все другие, кто мог втиснуться в зал и за его пределами.

Открывает собрание председатель колхоза Г.С. Тростников, кратко объясняет причину и цель собрания, избирает председательствующего для ведения собрания Гундарева Ф.М. - заместителя, гл. инженера колхоза. Я понял, что колхозники, во всяком случае, многие из прибывших, заранее узнали, о чем пойдет разговор. Мне хотелось, чтобы сейчас состоялся откровенный разговор. На собрании присутствовал первый секретарь Ордынского РК КПСС Прохоров. Он представил меня. Колхозники потребовали дать слово мне. Я коротко рассказал: когда, кем и с кем работал в Верх-Ирмени, в МТС, что только закончил партийную Школу. В прошлом году анализировал экономику колхоза. Состояние экономики оценивалось как сложное и коротко пояснил свое мнение...

Мой предшественник Г.С. Тросников - первый председатель объединенного с 1958 года колхоза под названием "Большевик", после расформирования местной МТС умудренный опытом: работал директором откормсовхоза, председателем небольшого колхоза, директором МТС, снова председателем уже данного крупного (объединенного

из шести колхозов) хозяйства. И теперь уходит по состоянию здоровья. Меня предлагают, по сути, вместо него.

Специалисты, бывшие председатели колхозов, колхозники, - все они хотели знать, что может принести новый еще недостаточно опытный в колхозном деле человек. Есть у него необходимые знания для такой сложной работы. Эпопея перевода колхозов в совхозы в стране закончилась. В районе осталось два колхоза (по 18 и 5 тысяч га пашни).

После моей краткой информации, посыпались вопросы к секретарю райкома, а в итоге, главным образом, ко мне. Приведу лишь два, вызвавших у всех наибольший интерес и боль.

Первый. Задавал М.С. Якутин - длительное время работал бригадиром в колхозе. Он сказал, что ты меня, Ваня, извини, но мы жили на одной улице, почти рядом. С твоим отцом на фронте вместе воевали, знаю я и тебя, ты летом в нашей бригаде, на сенокосе работал. Ничего плохого не скажу, но ты честно ответь на такой вопрос: "Ты к нам председателем надолго?" И добавил: "Многих колхозников - это интересует и волнует".

Я переминался с ноги на ногу, чтобы успеть перед ответом подумать, сообразить и ответил: "Да, видимо, надолго. Но это будет зависеть от меня и от вас, от того, как будем справляться с делами в колхозе". Наступила пауза, и я постепенно почувствовал, что большинству присутствующим ответ пришелся по душе.

Второй - оказался и сложнейшим, главнейшим вопросом. Знаю ли я, что сегодня колхоз без денег, не рассчитаны по денежной оплате за прошлый 1960 год, а на денежную оплату перешли еще в 1959 году. Не все колхозники смогли получить натуральную оплату зерном. Отчетно-выборное собрание за 1960 год они проводили три дня и три ночи, с участием председателя райисполкома, в итоге записали, что впредь на начисленный в денежную оплату каждый рубль правление колхоза должно обеспечить выдачу колхознику не 2 кг зерна, как было раньше, а 3 кг.

И еще: сегодня, 6 июля, а денежную оплату выдали за январь животноводам и работникам конторы, а с февраля текущего года еще не получали денег. Не отменишь ли ты совсем деньги, да и зерно? Послышались голоса: зерно отменить не сможет, без него решали, всем собранием - три дня... Атмосфера воцарилась неприятная, сложная. Прохоров: "Не молчи... отвечай, Иван Яковлевич!"

Женщины-животноводы сидели кучно, ближе к столу в один голос сказали: "Не волнуйся, не тушуйся, отвечай!"

Начал говорить: знаю, что нет денег, и не ожидается. Прохоров: "Они это тоже знают, скажи, что деньги будут и справишься с работой".

Я продолжаю: "Да, деньги будут, но столько, сколько произведем и реализуем продукции, а сегодня давайте так договоримся: ежемесячно в течение года будем получать оплату и выдавать 50% начисленной суммы, а по итогам года доплатим, по результатам работы каждой бригаде. В зале шум, разговор. Но кто-то не выдержал и задал мне вопрос: а у кого, где возьмешь деньги, чтобы платить ежемесячно половину

зарплаты? После этого вопроса вдруг все стихли, воцарилась мертвая тишина...ждали от меня ответа.

Я сказал, что деньги ежемесячно будем брать в долг, кредит в Госбанке, районном отделении Госбанка. И в этом нам поможет, поддержит секретарь райкома Прохоров. Все более четырехсот-пятисот человек смотрели на первого секретаря, некоторые на меня - что будет?!

Я обращаюсь к нему: "Александр Андреевич, мы же будем брать в кредит, в долг, с отдачей". И совсем тихо говорю Прохорову, что вокруг нас одни совхозы. Они, совхозы, берут в кредит не 50, а все 100%. Мы просим Вашей поддержки и только на 50%.

Пауза... Обращаюсь к собранию - если поддержите и вы - выведем хозяйство в передовые.

Прохоров опытный партийный работник, бывший зав. отделом обкома - понял, что у него выход один: нужно сейчас поддержать предложение будущего председателя, хотя речь идет о деньгах. Сможет ли он, Прохоров, сдержать свое слово, обеспечит ли обещание делом этот Овчаренко, никогда не работавший в колхозном производстве. В этот момент кто-то из зала сказал: "Но четыре года его, все-таки, чему-то учили?!"

Наконец, Александр Андреевич, произнес: "Мы поддержим, но не гарантирую."

Снова по залу шепот, разговор в полголоса, в большинстве одобрительный... Женщины не выдержали громко заговорили: голосовать надо, Федор Михайлович! Ты что ждешь - голосуй! Ты же председатель собрания, голосуй за нового председателя.

Гундарев тут же оказался в деле и произнес: "Кто за то, чтобы избрать председателем колхоза И.Я. Овчаренко руки "до горы". Лес рук. Федор Михайлович: "Кто против? - Нет! Записываем в протокол собрания: Овчаренко И.Я. избран председателем колхоза единогласно." Последовали умеренные аплодисменты.

Прохоров, пожимая мне руку, тихонько проговорил: "Но подвел ты меня под монастырь с деньгами", Я ответил ему, что с деньгами проживем, а без них - погибнем. Нас нужно только поддержать на первых порах. Не знаю, услышал ли он эти мои последние слова. Но главное для него дело было для начала сделано, а для меня легче будет разговаривать с управляющим отделением Госбанка по поводу кредитования на оплату труда.

В течение июля-августа мы выдали по 50% месячных начислений на оплату труда каждому трудившемуся в колхозе за время с первого января по 1 июля 1961 года, а в августе - за июль. Это явление воодушевило колхозников, а председателю правления дало моральное право строже спрашивать с каждого квалифицированное, старательное исполнение работ. Однако как оказалось позднее - не все поддерживали в душе вновь избранного председателя.

На следующий день с Гавриилом Сергеевичем поехали - он сдавать, а я принимать колхоз в натуре. Успели побывать на участках трех из пяти комплексных бригад,

вернулись в контору поздно вечером. Он устал, видна была его болезненность. "Снова поднялось давление" - сказал он, опустив голову. Я подал ему руку заявив, будем считать, что Вы передали хозяйство, а я принял. Вам можно и нужно отдохнуть. Получше будет, приходи, Гавриил Сергеевич.

Оставшись в кабинете конторы один, я сел за стол, "взял в руки голову" и надолго задумался... Не знаю сколько прошло времени - 15-20 или больше минут, резко оттолкнулся руками от стола и полупшепотом произнес: "Да, вот здесь действительно "дел - непочатый край". Половина лета прошло, фермы не ремонтируются, самые новые два крупных четырехрядных коровника с провалившимися потолками-крышами, а что говорить о других: куда ставить будем скот на зимовку? Строительных материалов нет, ремонтную бригаду не организовали, денег нет, комбайны и другая техника к уборке урожая не готовится, нет денег, нет запчастей... А что есть?

Есть много людей с добрыми взглядами, смотрят с надеждой, верят как и я в будущее, хотят доверить мне свое благополучие. Я должен это доверие считать главным активом.

Но вместе с тем некоторые привыкли относиться к работе безразлично, невовремя и много выпивать, растаскивать фураж, зерно и другие общественные ценности, уже не осознают, что это общественная собственность. Так же, как во многих местах, колхозах нашей необъятной страны. Все это будет существовать, и видимо, долго. Но в коллективном хозяйстве такой психологии не должно быть места.

Начал выдвигать ящики письменного стола, они были пусты: предшественник готовился к передаче. В одном из них лежала пачка папирос - почти целая и коробка спичек. Хозяин кабинета оставил то, без чего сам, больной не обходился. Сильно захотелось и мне закурить, но в стенах ВПШа я не курил. Да, в Школе не курил, а дома, на квартире, в воскресенье иногда с родственниками закуривал и так все четыре года. До Школы курил по-настоящему - лет семь подряд.

Подержал папиросу, распотрошил табак в руке и бросил в урну, подумал, что нужно не курить до тех пор, пока смогу. Закурю - предзнаменование слабости. Как-то уходя из конторы вечером домой, я снова вспомнил вопрос Чень Шаоцзиня: "Каким способом и методом нужно заинтересовать работника в коллективном хозяйстве, на земле производственного кооператива". На решение этой проблемы у меня ушло не менее шести лет. Хотя положительные подвижки нарастали из года в год, начиная с первых месяцев работы в должности председателя колхоза.